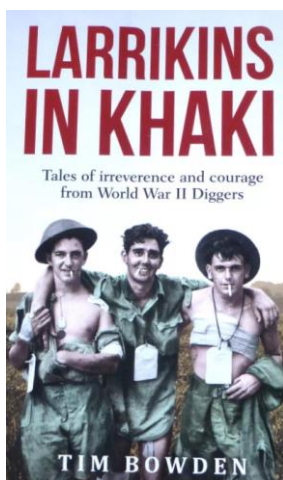

АВСТРАЛИЙЦЫ В БОЮ И ПОСЛЕ БОЯ – СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1941 ГОД

Данная статья основывается на главе из книги австралийского писателя, историка, радио- и телеведущего Тима Баудена (Tim Bowden, 1937-2024, на фото справа) *Larrikins In Khaki, World War II Diggers* /Шалопай в Хаки, Диггеры ВМВ (2019). В ней собраны рассказы австралийских солдат, участвовавших в боевых действиях против Итальянской армии в 1941 году. Много из того, что рассказали эти люди, противоречит образу благородного воина с безупречным поведением на поле боя и после него. Впрочем, это и есть правда: воевали обычные, грешные люди...

В этой статье приведены рассказы солдат, участвовавших в штурме городов [Бардия/Bardia](#) и [Тобрук/Tobruk](#). Австралийцам и британцам противостояли итальянские солдаты и офицеры, не проявившие высокого боевого духа и часто поднимавшие руки при первой возможности. Но впереди австралийцев ждали [Сирийская кампания](#), ожесточенные бои против немцев в Греции ([1](#), [2](#)) и на Крите ([1](#), [2](#)), позднее - против Африканского Корпуса генерала [Эрвина Роммеля](#), в которых им придется познать и горечь поражений ([1](#)), и радость побед ([1](#), [2](#), [3](#), [4](#)). 16-я Бригада, в которой служили герои этой главы, позднее примет участие в боевых действиях на [Новой Гвинее](#)...

Бардия

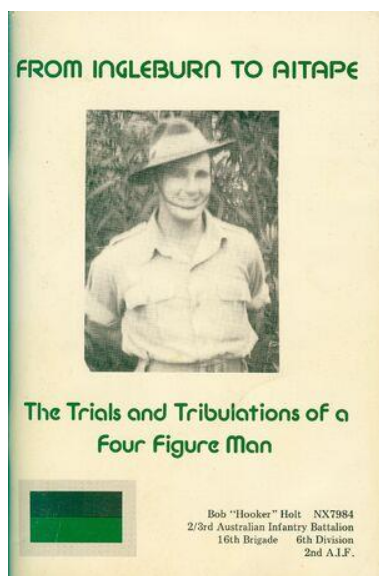
Австралийские наземные войска активно участвовали в боевых действиях в северной Африке и на Средиземноморье около двух лет – с января 1941-го до конца 1942 года. Первым крупным сражением для них было взятие Бардии, удерживаемой итальянским гарнизоном. 16-я Бригада, а именно ее Батальон 2/1, прорвала оборону противника на рассвете 3 января 1941 года. Австралийцы заняли позиции на стартовом рубеже перед проволочными заграждениями и попытались вырыть для себя стрелковые ячейки, но уже на глубине 6 дюймов (15 см) наткнулись на скальный грунт. Они выкопали длинные борозды и залегли в них, вытянувшись во весь рост. Днем они изнемогали от жары, а по ночам страдали от холода. Правда, люди получили кожаные жилеты, которые они должны были носить под шинелями, и [балаклавы](#), за что люди были очень признательны.

Вспоминает Боб Холт (Bob Holt, на фото слева – обложка его книги воспоминаний) из Пехотного Батальона 2/3:

В ранние часы 3 января саперы развернулись в линию напротив итальянских проволочных заграждений. Если бы ослы были нагружены как мы [в тот момент], Королевское Общество Борьбы с Жестоким Обращением с Животными/Royal Society for the Prevention of Cruelty to Animals – RSCPA подало бы в суд на их погонщиков. На нас было нижнее белье, свитера, форменная одежда из шерстяной ткани, шинели, кожаные жилеты (см. фото слева), каски, боеприпасы, гранаты, средства связи, противогазы, а

также кайла или лопаты. На наших спинах, к шинелям, были пришиты куски белой материи, чтобы ребята, следовавшие за нами, могли разглядеть нас в темноте.

Саперы взорвали просветы в проволочном заграждении своими бангалорскими торпедами и проследовали через него вслед за Батальоном 2/1. Мы прошли мимо группы пленных ливийцев, которые тряслись так, словно у них была Пляска Святого Вима – это был результат артиллерийской подготовки. Я до сих пор не знаю, были ли саперы, засыпающие противотанковый ров пьяны, но, судя по тому, как они переговаривались и как они выглядели со стороны, дело было именно так. Они рыли землю, словно бобры, покрывшись грязью и пылью, которые летели в воздух от разрывов итальянских снарядов, и были мокрыми от пота. В короткие моменты, когда стихал шум, было слышно, как они поют «Хо-хо-хо, мы роем, роем, роем», хрипят и кричат. Наша артподготовка продолжалась, итальянские пушки вели огонь по этому просвету в проволоке, и это был бедлам. Вы бы не услышали там свой собственный крик. Я был больше чем просто рад, когда мы

прошли дальше и оставили позади заграждение. Мы подошли к первой позиции, которую занял Батальон 2/1. Наша артиллерия хорошо обработала итальянцев: их трупы были разбросаны повсюду, пока Чарли Джонсон (Charlie Johnson) и я продвигались вперед. Чарли сказал: «Боже мой, не смотри на них.» Само собой, я посмотрел и увидел одного из парней Муссо (Musso – так австралийцы прозвали Муссолини – ВК), разорванного пополам, с грудью, рассеченной так, словно в мясной лавке. Я чуть в обморок не свалился, но в течение нескольких следующих дней нам предстояло увидеть гораздо более шокирующие сцены, и просто удивительно, как быстро человек становится равнодушным ко всему этому.

Батальон 2/3, в котором служил Холт, участвовал во многих боестолкновениях в течение следующих трех дней ... и из 700 человек под Бардией потерял лишь 5 офицеров и 56 прочих чинов. Дивизия вместе с британцами взяла в плен 40 000 итальянцев, и, как сказал Холт, «я думаю, мы сослужили им хорошую службу, поскольку большая их часть оказалась в Австралии, где они обжирались так, что у них головы лопались.»

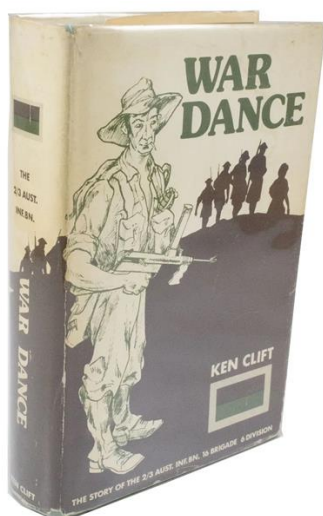
Итальянская артиллерия действовала наиболее активно в первый день. Пыль от разрывов была настолько густой, что, как рассказывал Холт, иногда не было видно людей, находившихся слева и справа от него. «Должно быть, у *итальяшек* (Aïtu/Itie – так австралийцы называли итальянцев – ВК) что-то было не так со снарядами, поскольку я видел парней, которых взрывы переворачивали вверх ногами, но потом они поднимались и шли, не по прямой, с помутненным сознанием, но без единой царапины.»

В одном случае Рота С атаковала каменную стену, пока Рота В прикрывала ее огнем. Итальянцы вели огонь, пока австралийцы не подошли ярдов на 40. Рота С сначала шла вперед с высоко поднятыми винтовками, но потом люди взяли их наперевес и рванулись вперед, рыча и крича. По словам Холта, «это нужно было видеть»:

Рота добежала до стены, и вскоре после этого по всей линии появились белые флаги. Почти мгновенно [капитулировавший] батальон выстроился в колонну, готовый к отправке в лагерь для военнопленных – впереди офицеры были в своих импозантных мундирах, а за ними толпа низеньких, еле ползущих даго/даго (прозвище иммигрантов из южной Европы в Австралии – ВК) в своей тусклой, плохо подогнанной униформе. Иногда итальянцы упорно оборонялись, укрывшись с своих сангарах (сложенные из камней укрепления – ВК) и за каменными стенами, но, по большей части, когда мы сближались с ними на расстояние, достаточное для перехода в атаку, появлялись белые флаги, а потом и они сами со своими уже упакованными картонными чемоданами.

На третий день боев Рота С потратила много времени, разделившись на взводы и отделения и обходя вади и овраги, чтобы выбить из них и собрать все еще рассеянных по ним итальянцев. Холт вспоминал, как они ходили по округе, крича «Руки вверх – бросайте оружие!» на ломаном итальянском, и уже вскоре почти каждое отделение собрало по десятку пленных или около того: «Мы надеялись, что эти люди покажут нам. Где засели другие.» Во время этой зачистки Холт увидел итальянца, сидевшего в проходе в блиндаж и, поскольку тот его не заметил, австралиец выстрелил немного в сторону от него, чтобы тот вышел и сдался. «Он не сдвинулся с места и даже не моргнул, вспоминал австралиец. - Он был мертв, словно дверной гвоздь, при этом на нем не было ни царапины или еще чего-то. Возможно, с ним случился инфаркт, или он умер от страха, услышав, как я кричу на своем итальянском.»

Затем батальон атаковал последнюю оборонительную позицию противника, расположенную на холме у побережья. Ее упорно обороняли чернорубашечники, располагавшие пулеметами и артиллерией. Холт огляделся: его батальон шел в бой с высоко поднятыми штыками: «Хранившие молчание парни казались гигантами в своих кожаных безрукавках с их штыками, блестящими на солнце.» Никто не стрелял, и все это напоминало сцену из фильма о ПМВ. Должно быть, эта сцена заставила итальянцев дрогнуть. Холт оглянулся назад через плечо, чтобы увидеть следующую за ними линию атакующих, но там никого не было. Австралийцы приблизились примерно на 45 ярдов к передовой линии чернорубашечников, которые метались из стороны в сторону, возбужденно споря друг с другом. Кто-то из них, должно быть, принял решение дать бой, поскольку один из пулеметов открыл огонь. Он выпустил всего одну или две очереди, после чего батальонные 3-дюймовые минометы накрыли огнем эту точку – пулемет и его расчет взлетели в воздух. После этого желание сражаться покинуло чернорубашечников, и в воздухе появились белые флаги...

Рассказывает участник этих событий, связист Кен Клифт (Ken Clift, 1916-2009, на фото слева обложка его книги воспоминаний, справа его фотография на склоне лет), Батальон 2/3:

Развернувшись на подходе к Бардии, мы хорошо видели из наших стрелковых ячеек, как позиции нашей бригады атаковали наши старые приятели – неуклюжие итальянские бипланы. Они сбросили свои яйца, и их строй сделал круг, чтобы взять курс на аэродром, когда в поле зрения появился Харрикейн/Hurricane. Он накинута на идущий в хвосте бомбардировщик и

выпустил по нему две или очереди, после чего тот рухнул на землю близ наших окопов объятый пламенем и дымом. Три летчика вывалились из другого самолета, но у двоих парашюты так и не раскрылись, потому что их шелк горел – эти люди упали на землю ярдах в 100 или около того от нашей позиции. Третий сработал, и штурман этой машины был взят в плен где-то в одной миле от нас. Еще один самолет с силой ударился о землю. Мы подошли к нему, чтобы посмотреть, что и как, но увидели лишь какую-то обгоревшую массу: пилот и его второй номер так и остались сидеть пристегнутыми ремнями к своим сиденьям, превратившись в золу...

2 января часть, в которой служил Клифт, получила дополнительные боеприпасы и гранаты, проверила и перепроверила оружие и снаряжение. Вся бригада в полном составе под покровом темноты выдвинулась на помеченный белой лентой стартовый рубеж для атаки, проходивший параллельно противотанковому рву и проволочному заграждению итальянцев в 500-600 ярдах от них. Бригада вышла на этот рубеж около 9 часов вечера, люди выкопали себе стрелковые ячейки и стали дожидаться рассвета и момента намечаемой атаки. При этом людям было на что посмотреть.

Бесстрашные саперы тоже были тут со своими бангалорскими торпедами: они были готовы проскользнуть вперед, взорвать проходы для пехоты и дать возможность танкам и автомашинам последовать за ней. У них с собой были инструменты и снаряжение, необходимые для того, чтобы отсыпать из местного сланцевого щебня переходы через противотанковый ров для танков, бронетранспортеров и машин [повышенной проходимости] *blitz buggie* (обычно так называли форды C11ADF канадского производства – ВК).

Наступила ночь, сопровождаемая взрывами, взлетающими в небо парашютными ракетами, стрельбой зениток по самолетам Королевских ВВС и огнем, который вели со своих позиций защитники Бардии. Клифт продолжает свой рассказ:

Мы ждали рассвета и мерзли от жуткого холода, когда нам раздали небольшие порции рома. Непосредственно перед рассветом наша артиллерия вместе с британской – думаю, всего около 300 полевых пушек, что примерно было равно тому, что было у итальянцев в Бардии, но с хорошим дополнением в виде расставленных по позициям тяжелых морских орудий, - открыла огонь, и мы пошли вперед, сопровождаемые свистками и пением пехоты...

Саперы к тому времени взорвали проходы в проволочном заграждении... Солдаты Батальона 2/1, высоко подняв винтовки с примкнутыми штыками, проскакивали через готовые проходы, перебежали по отсыпанным переходам через противотанковый ров и смещались левее, как было запланировано. Ядро персонала штаба бригады находилось среди атакующих. На линии пересечения заграждения артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь противника был особенно интенсивным. Капитан Билл Стюарт (Bill Stewart) был убит почти сразу же, когда находился в 20 ярдах за проволокой. Он был ранен в трех местах в левую руку пулеметной очередью, четвертая пуля попал ему в сердце. Когда Клифт перевернул его, он обнаружил еще и небольшое осколочное ранение у него на лбу. Сержант Хэнк Финдли (Hank Findlay) снял с него бинокль, планшет с картами и остальное снаряжение, которое полагалось носить офицеру. Капитан Стюарт был отличным офицером, которого уважали солдаты... Вспоминает Клифт:

Артобстрел значительно усилился. Мой приятель Батта (Butta) и я пробежали около 300 ярдов в сектор Батальона 2/1, где среди тяжело раненых оказался капитан Диллэн (Dillan), известный под кличкой Диллэн-Мерзавец/Dillan the Villain. Позднее ему ампутировали ногу. Батальон 2/1 натолкнулся на упорное сопротивление противника, и его продвижение временно было остановлено. Тем временем Батальон 2/2 продвинулся за проволочное заграждение на правом фланге, как и планировалось, и мы сумели наладить для него связь, но и они попали под сильный ружейно-пулеметный огонь, и нам приходилось все время ликвидировать обрывы кабеля. Мы решили сделать ответвление и наладить что-то вроде телефонной связи для Батальона 2/3. 2/3 продвинулся дальше штаба бригады и оказался в центре, между батальонами 2/1 и 2/2, которые шли вперед с большой скоростью...

Солдаты Батальона 2/2 в атаке под Бардией

Я наткнулся на ребят из Роты В, которые сказали, что подстрелили Тима Демпси (Tim Dempsey). Несмотря на ранение он все еще улыбался, когда его оттаскивали в тыл на носилках, но умер еще до того, как его доставили на место: пуля прошла через его позвоночник...

Приземистый лейтенант из Батальона 2/3 – Лесли Кэлмэн (Leslie Calman) – оказался прямо перед головным итальянским танком, имея под рукой лишь противотанковое ружье *Бойз/Boys*. Он выстрелил в упор и угодил в танк, но тут же был убит наповал. Расследование, проведенное после боя, показало, что его пуля оставила лишь борозду глубиной в палец на броне танка, подтвердив, что это оружие в данных обстоятельствах является абсолютно бесполезным. Его героические усилия были потрачены впустую...

К верхней бровке борта *вади* подъехали два грузовика с установленными на них противотанковыми пушками (в тексте – *portee*, см. фото слева). Один из них был уничтожен снарядом головного итальянского танка, но другой умело развернулся, что дало наводчику, сержанту Дикю Пиккетту по кличке *Снайпер/Dead Eye*, возможность разглядеть все пять вражеских танков. Будучи раненым, Пиккетт один за другим вывел из строя все пять

вражеских машин, всадив в каждую из них по одному двухфунтовому снаряду. То, что увидели после боя те, кто решился заглянуть вовнутрь уничтоженных вражеских танков, привело в ужас даже самых крепких парней: пробившие броню снаряды начинали «скакать» внутри башни, превращая экипаж в фарш... Клифт был убежден в том, что, если кто-то и заслужил *Крест Виктории*, то это был Дик Пиккетт, однако меткий артиллерист был награжден лишь *Медалью за Отличие в Бое/Distinguished Conduct Medal*, а его товарищи по расчету – *Военные Медалы/Military Medal*. Если бы вражеские танки прорвались к штабу бригады, это поставило бы под угрозу успех всей атаки. Этот сухой ручей стал известен под названием *Шампанский/Champagne* благодаря тому, что австралийцы после боя обнаружили в захваченных на этом участке боя ДОТах большое количество спиртного...

11 января 1941 года. Австралийские солдаты в хорошем расположении духа. Бардия взята с минимальными потерями...

Батальон 2/3 завершил зачистку Шампанского ручья и продолжил продвижение вперед, захватывая сотни пленных... Ко времени наступления темноты все британские и австралийские батальоны вышли на запланированные рубежи и были готовы к финальной атаке на город, намеченной на следующее утро.

Отделение, в котором служил Клифт, проделало большую работу по налаживанию связи. Автофургоны с радиостанциями обеспечивали отличный контакт со штабом бригады. Его товарищи-связисты Том Браун (Tom Brown) и Блю (Blue) передавали туда информацию о всех текущих событиях, как и Отделение В, по телефонной линии, хотя продвижение вперед шло быстрее, чем ожидалось. Австралийцы использовали в большом количестве трофейные итальянские провода в дополнение к тем, что были у них под рукой, и связь работала удовлетворительно. Телефоны D3 были небольшими по размеру и переносили их в небольших кожаных футлярах. Они работали с одним проводом. Провод подключали к терминалу, и, чтобы получить ток, короткий кусок провода подсоединяли к металлическому штырю, который втыкали в землю. В сухих условиях пустыни было необходимо смочить грунт там, куда вгоняли штырь, так что связистам приходилось импровизировать. «Вода была драгоценностью, поэтому каждого солдата, находившегося рядом с пунктом связи, просили помочиться там, где торчали эти железяки, чтобы связь работала стабильно,» - вспоминал Клифт.

На следующий день пехота пошла в решительную атаку, и Бардия пала. Было захвачено множество пленных и большое количество всевозможных трофеев. Город был в плачевном состоянии после артобстрелов с моря и воздушных бомбардировок. После этого, по словам Клифта, «бригада зализала раны, похоронила своих погибших и, собравшись в колонну, переместилась в Тобрук...», а британские танкисты сделали рывок на север, чтобы [перерезать итальянцам путь к отступлению](#), ведущий от Тобрука к Дерне/Derna.»

Артиллерист Холт вспоминал, как его удивила готовность, с которой итальянцы сдавались в плен, особенно офицеры:

К нашему изумлению, в воздухе появилось множество белых флагов, и появились офицеры, за которыми следовали их денщики, с большими усилиями тащившие их чемоданы и свертки с постельными принадлежностями. За ними шли 500 неумытых солдат в засаленной форме с уже привычными картонными ящиками и коробками, они были готовы отправиться в дальнюю дорогу. Мы построили их, приказали сесть на

землю и сказали, что после того, как они отправятся в путь, любой, у кого будет найдено какое-либо оружие, будет расстрелян на месте. Их в первый момент это как-то не потревожило, а когда начался марш, уже через пять минут земля вокруг них был просто усеяна их яркими, выкрашенными в красный цвет жестяными ручными гранатами (см. фото слева – ВК). Вообще, это случалось столь

часто, что, я полагаю, макаронники/macaronis до этого держали их при себе так долго, что уже и сами не помнили, что тащат их с собой.

Мой рюкзак был набит [трофейными] армейскими нашивками и пропагандистскими листовками, и, когда я находился в окопе, он цеплялся за все и за всех. Наш взводный сержант (позднее он попал в плен в Греции и провел остаток войны в лагере в Германии) заметил, что я собираю сувениры, и, в качестве наказания, приказал мне отвезти к месту расположения «клетки» (так называли места временного содержания пленных в загоне из колючей проволоки – ВК) целую бригаду итальянцев. Я, как и все остальные, устал и резко запротестовал, пока не увидел итальянского бригадира, который спросил у одного из наших офицеров, где он может спрятать свою золотую авторучку...

Холт построил пленных, прокричал *Вперед!/Avanti!* и повел их через какой-то холм, после чего колонна оказалась вне поля зрения сержанта. Холт отдал приказ *Стой!/Alto!* и начал обыскивать офицеров и их вещи. По его словам, «это было похоже на налет на ювелирный магазин. Первое, что я нашел, было золотой авторучкой в кармане итальянского бригадира, а потом я «освободил» офицеров от их часов и колец.» Колонна прошла несколько миль, пока не подошла к пункту, где людей поили водой и где Холт остановил ее на привал. В хвосте колонны шли ходячие раненые, в том числе, молоденький итальянец с ранением ноги, которого вез в тачке его товарищ. Вспоминает Холт: «Я вытащил раненого из колонны, потому что знал, что следующий за нами транспорт остановится возле пункта снабжения водой. *Ай ти*, сидевший в тачке, всхлипывал и рыдал, слезы стекали по его щекам. Думаю, он счел, что его собираются пристрелить за то, что он тормозит движение колонны.»

Январь 1941 года. Итальянские военнопленные на пути в концентрационные лагеря...

Пока колонна отдыхала, подошел денщик капитана Кэлмэна, Чарли Хьюз (Charlie Hughes). Холт был очень рад увидеть здесь этого парня. Он спросил Чарли, не согласится ли он довести итальянцев до *клетки*. «Да мамой клянусь (bloody oath), что отведу. Отконвоирую этих ублюдков в лучшем виде. А где *клетка*?» - спросил он. Боб Холт знал об этом не больше, чем Чарли, но сказал, что где-то недалеко. Колонна снова тронулась в путь в сопровождении Чарли, однако, если он думал, что сможет раздобыть какие-либо *сувениры*, то он глубоко ошибался: Холт хорошо поработал над этим. «Он бы и часов не нашел, - рассказывал Холт. – Я вернулся в часть и не стал рассказывать сержанту о том, что передал колонну под начало Чарли Хьюза.»

Один из солдат, служивших в одном взводе с Холтом, Тиздэйл (Teasdale), обшарил итальянский штаб и подобрал серебряный пояс в стиле *Сэма Брауна* (Samuel J. Browne (1824–1901), британский офицер, изобретатель портупеи) с гравировками на итальянском и золотыми ножнами для кинжала. Это было таким произведением искусства, что солдат счел его принадлежавшим ранее генералу [\[Аннибале\] Бергонцолли](#) (Annibale Bergonzoli), командующему гарнизоном Бардии. По словам Холта, этот пояс должен был стоять уйму денег.

После окончания боев за Бардию Рота В готовилась к тому, чтобы расположить свой лагерь рядом с итальянской пекарней, близ источника воды... Отделение Холта не собиралось уступать кому-либо в приверженности красивой жизни. Солдаты нашли мешок муки и банку оливкового масла с рядом с пекарней, а Чарли Джонсон раздобыл мешок кофейных зерен и кофемолку. Отделение жировало пару дней, наслаждаясь горячим кофе и оладьями, испеченными на оливковом масле. Они были восхитительными, но последствия были тяжелыми – всех замучил понос. Люди привыкли к армейским rationам - банке подогретой говяжьей тушенки на троих, а теперь у них появилась возможность разнообразить свой стол итальянскими продуктами с ближайшего захваченного склада. «Тунец был чем-то особенным, но итальянская говяжья тушенка была еще хуже нашей,» - вспоминал Холт. Кроме того, австралийцы побаловали себя кашей из толченых армейских галет, покрытых тонким слоем итальянского сгущенного молока.

Выпивка на окрестных складах была в изобилии, и уже на следующий день было решено провести взводное соревнование по винопитию. Бочку вина поставили в кузов грузовика и стали пить пинту за пинтой (0.57 л). Холт свалился одним из первых, после чего кто-то заботливо укрыл его одеялом. Вспоминает Холт:

Привычные к выпивке парни вскоре потеряли интерес к соревнованию... Когда я пришел в себя, было уже светло, и продолжали начатое двое: Чарли Бёрк (Charlie Burke) и взводный сержант. Лагерь погрузился в хаос: три четверти взвода валялись на земле в лужах рвоты. Некоторым было очень плохо, они явно сожалели о случившемся, мучаясь от головной боли. А тут еще поступил приказ идти и хоронить мертвых итальянцев, которые уже начали пованивать. Помню одного малого, которого мы хоронили, так нам пришлось цеплять его за ногу арканом и затащить в старую траншею. У него на руке были золотые часы, но он был в таком состоянии, что мы похоронили его вместе с этими часами. Вообще, зря мы так поступили – на более позднем этапе войны мы не были бы настолько брезгливыми и стали бы спорить, кому достанутся такие часы...

Через несколько дней, к отвращению солдат, один из старших офицеров занялся их боевой подготовкой, репетируя атаки силами взвода и роты на старые итальянские позиции. Это шло вразрез с пожеланиями людей, которые уже считали себя непревзойденными бойцами. По словам Холта, люди ворчали, по большей части, между собой, так как [командир Батальона 2/3] полковник Вив Инглэнд (Vivian England, 1894-1951) разговаривал с людьми резко и грубо, если его что-то задевало. Однако солдаты восхищались его храбростью, потому что видели, что он находился среди них во время боя, пренебрегая собственной безопасностью. Его личный водитель был убит рядом с ним, и это отучило бы кого-нибудь от привычки стоять в [универсальном] бронетранспортере под артиллерийским и ружейным огнем большинство офицеров, но только не самого полковника...

Тобрук

Когда 5 января 1941 года, через два дня после начала штурма города, итальянцы в Бардии капитулировали, австралийцы и британцы взяли в плен 40 000 солдат и офицеров противника. За этим быстро последовал новый успех – взятие Тобрука, где 21 января было захвачено 27 000 пленных. Боб Холт снова был в бою вместе со своими товарищами по Батальону 2/3: «Итальянцы были сильны в дорожном строительстве, и мы доехали до Тобрука на трофейных машинах с относительным комфортом, хотя к концу пути высохли, словно щепки, и покрылись дюймами пыли. Мы немедленно приступили к рытью стрелковых ячеек и столкнулись тем же, что и под Бардией – скальным грунтом на глубине примерно в один фут.»

Сразу после полуночи 18 января, очень холодной ночью, австралийцы совершили марш к пункту сбора войск перед атакой на Тобрук. Не считая редких пулеметных очередей и небольших артобстрелов со стороны итальянцев, ночь была спокойной и освещалась редкими ракетами. Точно в назначенное время раздался единичный пушечный выстрел – сигнал к наступлению, и из глубины британских позиций на противника обрушился огонь артиллерии... Вспоминает Холт:

Наша рота уже была на стартовом рубеже, рядом с нами к нему выдвигался взвод Роты С, и тут раздалось несколько взрывов – это его солдаты зацепили проволочные растяжки мин. Мы видели, как люди подлетают в воздух, их стоны и вопли были ужасными, но потом появились санитары и унесли пострадавших. Этот взвод роты С потерял 20 человек убитыми и ранеными...

Несмотря на случившееся Рота С стала первой австралийской частью, ворвавшейся в Тобрук. Люди из Полевой Роты/Field Company Батальона 2/3 и Пионерной Роты/Pioneers Батальона 2/1 понесли потери, а пятеро саперов были награждены за то, что сумели подорвать *бангалорскими торпедами* проволочные заграждения. Здесь имела место некоторая неразбериха, так как взорвались только четыре из пяти торпед, но три взвода пехоты проскочили через образовавшиеся проходы, после чего за ними проследовала рота В. Один из товарищей Холта, Гарни Крю (Garney Crew), запутался в проволоке и порвал свои брюки, после чего ему пришлось несколько часов воевать в подштанниках. В дальнейшем он *позаимствовал* брюки у итальянского офицера...

Когда рассвело, батальон захватил все намеченные цели. В утренних сумерках группа итальянцев вышла из укрепленного пункта, над которым был вывешен белый флаг. Их офицер все еще держал в руке пистолет, и было непонятно, то ли он собирался отдать его

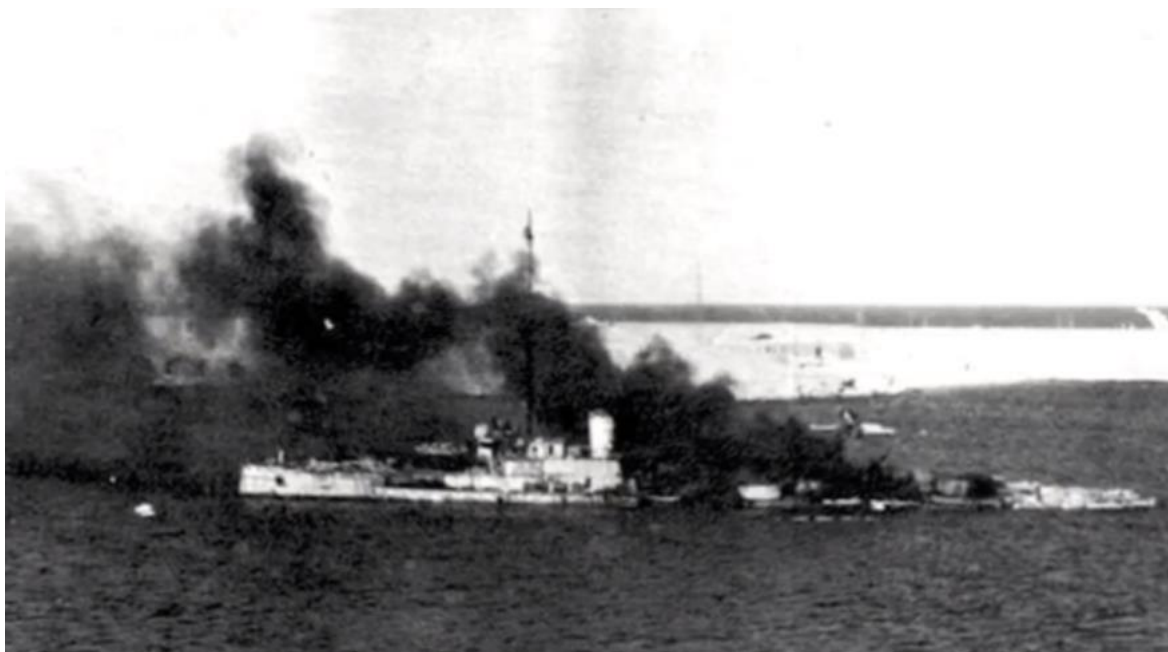
Неду по кличке *Glut* (обжора? – ВК), то ли пребывал в растерянности. «Нед проткнул его штыком, вытер его о брюки итальянца, подобрал пистолет и оставил его испускать дух. Нед был одним из самых хладнокровных парней, которых я когда-либо знал, однако у него на лице всегда была широкая ухмылка, почти при любых обстоятельствах,» - вспоминал Холт.

Батальон атаковал оборонительный периметр итальянцев. Австралийцы подавили множество бетонных ДОТов и укрытых под землей огневых точек. Как и под Бардией, полковник Вив Ингланд успевал всюду и везде, стоя в своем бронетранспортере даже под самым сильным огнем. Он совершенно не знал страха. По словам Холта, «просто видеть его от случая к случаю сохранявшим спокойствие, дающим людям советы и приветствующим их словами *добрый день*, вдохновляло даже самых трусоватых (*chicken-hearted*) из нас. Он был мужиком среди мужчин.» И здесь австралийцев ждали большие трофеи. Вспоминает Холт:

Повсюду нам доставалось множество пленных, и я набрал себе часов на оба запястья и выше них плюс полный карман денег и колец, отобранных у офицеров. Мы стали прочесывать блиндажи в поисках отбившихся от своих одиночек. Во многих из них воздух был ароматизирован духами, а по полу обычно были разбросаны религиозные картинки и порнографические открытки. У многих офицеров были пистолеты калибров .22, .32 и .38, богато инкрустированные жемчугом – вот их-то мы и искали. Я набрал столько часов, что со временем расщедрился и разрешил макаронникам оставлять их при себе. Они хранили их, вероятно, до той поры, пока не оказывались в лагере, где почти наверняка их должны были отобрать надзиратели.

*Среди пленных оказался светловолосый офицер из числа альпийских стрелков ростом шесть футов, который сохранял достоинство и отказался отдать Джеку Келли (*Jack Kelly*) великолепное кольцо. Для него было крайне неприятным то, что он стоял навтыжку перед неумытым «диггером» (землекоп - распространенное прозвище австралийских солдат – ВК), и он продолжал настаивать на том, что является офицером: «*Je suis officier, Je suis officier.*» Я оттеснил Джека и дал ему в зубы, после чего тот сорвал с пальца кольцо и швырнул его на землю. Я дал ему пинка под зад и заодно отобрал у него бумажник.*

Как-то раз батальон Холта оказалась на открытой местности под огнем итальянских бипланов, и, хотя австралийцы избежали потерь, он вспоминал: «Это был один из немногих случаев, когда у меня на самом деле перехватило дыхание.» После того, как итальянцы сделали пару заходов, Холт был несказанно рад, когда они улетели и переключились на другой батальон. В последний день боев его часть оказалась на высотах, доминировавших над Тобрукской гаванью, которая была забита множеством потопленных кораблей и судов. Среди них был крейсер *San Giorgio*, все еще горевший и испускающий клубы черного дыма, заволакивавшего гавань...

Горящий крейсер San Giorgio

Австралийцы вышли к побережью и разбили временный лагерь, сделав себе укрытия из итальянских плащ-палаток и одеял. Группа солдат раздобыла итальянский грузовик и несколько дней собирала по округе бутылки с минеральной водой *Vichy*, вино и банки с консервированным тунцом. Грузовик у них через какое-то время отобрали, но к этому времени у них уже все необходимое для хорошей жизни, в том числе, четырехгалонная (около 16 л) алюминиевая канистра с [араком](#). Этот крепкий бесцветный напиток становился мутным после добавления в него воды и был известен по всему Ближнему Востоку под разными названиями: *arrack* в Палестине, *zibib* в Египте, *ouzo* в Греции, а также *anise* и *anissette*. Местные его очень уважали, чего нельзя было сказать об австралийцах. Вспоминает Холт:

Нашему отделению досталась пара порций из четырехгалонной канистры, после чего мы решили воздержаться от него. Тут к нам зашел хорошо образованный, эксцентричный малый по имени Фрэнки Ричардсон (Frankie Richardson), служивший в другом отделении 10-го Взвода. Своим хорошо поставленным голосом он вежливо спросил, «не будем ли мы так добры разрешить ему порадовать себя небольшим глотком этого замечательного напитка.» Мы дали ему добро, он вытащил из кармана кусок резиновой трубки, лег рядом с канистрой, вставил один конец трубки в рот, другой – в отверстие в канистре, и накачался до бессознательного состояния...

16-я Бригада была на острие атак на Бардию и Тобрук, и из-за нехватки транспорта ее людям дали возможность отдохнуть, пока две другие бригады сражались за Дерну – следующий город в 100 милях к западу. Тем временем батальону Холта нанес широко освещаемый в газетах визит премьер-министр Австралии [Роберт Мензис](#) (Robert Menzies). Он проинспектировал часть и сказал, что он и народ Австралии гордятся достижениями своих соотечественников. Ему принадлежат и следующие слова, сказанные солдатам: «Вы пришли сюда не для того, чтобы захватить эти пустынные земли, но вы приняли участие в разгроме Итальянской империи.» Правда, до окончательного разгрома итальянцев оставалось еще два года...

Батальон 2/3 построен для встречи с премьер-министром Мензисом. Тобрук, 8 февраля 1941 года

Мензис наносит визит сражающимся войскам в северной Африке (фото – [Дэмиен Пэрер](#))

Связисты отвечали за коммуникации в боевых условиях, но им приходилось вступать в бой. Кен Клифт был повышен в звании до и. о. капрала, когда влился в Отделение J. Холодной ночью, предшествовавшей штурму Тобрука. Как и Боб Холт, он получил редкий в то время рацион рома, когда артиллерия британцев открыла огонь по позициям противника. Передовые роты австралийцев, продвинувшиеся через взорванные саперами проходы в проволочных заграждениях, первоначально встретили лишь незначительное сопротивление: итальянцы покинули оборонительные позиции, за исключением нескольких ДОТов, еще до начала атаки противника, но уже вскоре их артиллерия открыла точный артиллерийский огонь по наступающим. Вспоминает Клифт:

Все залегли, и некоторое время снаряды прощупывали передовую линию.

Воздух наполнился пылью и летящим щебнем, австралийцы несли потери, но бригада продолжила продвижение вперед. Когда был захвачен подходящий ДОТ, в нем разместился ее штаб...

В это время Табби Брюс (Tubby Bruce) был водителем грузовика связистов. Снаряд разорвался у его левого колеса, напичкав шину множеством осколков, но, каким-то чудом, колесо не сдулось. Макки (McKee) и я тянули провода. Я был старшим группы [из трех человек], хотя посторонний вряд ли бы поверил в это, услышав те слова, которые высказывали в мой адрес двое моих товарищей! Мы забрались на бугор, пробиваясь через стену пыли, рассчитывая на то, что там окажется штаб Батальона 2/3, как это должно было быть, если все пойдет по плану. Вместо этого мы увидели ярдах в 150 от себя вражеский пулемет, который вел огонь по наступающей пехоте. За ним, ярдах в 50, находилась батарея итальянских полевых пушек...

Противник, очевидно, не заметил грузовик связистов, который Табби ловко загнал в овраг. У связистов были винтовки, большой запас ручных гранат и пистолет калибра .45. Используя впадины как укрытие, они подобрались к вражеской позиции, ведя винтовочный огонь и вынуждая пулеметчиков пригибать головы. Итальянский пулемет огрызнулся, но сектор его обстрела был ограниченным, что дало связистам возможность обойти ДОТ. Клифт подбежал к нему и забросил в него гранату, разрыв которой уничтожил расчет.

Вражеские полевые пушки продолжали вести огонь по нашим. Мы обстреляли их расчеты из винтовок, и артиллеристы залегли в своих окопах, вырытых за огневой позицией, после чего выбросили белый флаг. Я подошел к ним с гранатой в руке, чека была выдернута, пока Батта и Табби держали их на прицеле. Их майор был ранен в руку, среди них было несколько тяжелораненых. Мы выгнали их из окопов – всего около 60 человек, заставили сложить в кучу винтовки, а потом уже подошла Рота В.

С рассветом начались новые атаки австралийцев, и снова они захватили огромное количество пленных и большие трофеи, начиная с хирургических инструментов и заканчивая тяжелыми транспортными средствами, стоившими миллионы фунтов. Тобрук пал. Кену Клифту показалось, что этот город был больше Бардии, хотя сильно напоминал ее... С мачты на главной площади свисал спущенный итальянский флаг, и уже вскоре вместо него австралийцы повесили солдатскую шляпу.

Эти дерзкие низкорослые итальянцы набрались наглости, поверили словам Муссолини (вероятно, пообещавшим своим солдатам легкую победу – ВК) и построили прямо для нашего удобства огромный лагерь за оградой, чтобы разместить в нем британских военнопленных, которые должны были быть захвачены в ходе атак на Тобрук. Поскольку имела место задержка с доставкой пленных из Бардии, бригада воспользовалась этим загоном и затолкала в него столько побежденных солдат противника и их вещей, сколько было возможно. Чемоданы, банджо, гитары и все такое осталось при них...

Через пару дней акклиматизации итальянцы устроили импровизированный концерт для всех, кто находился за пределами загона. Один диггер, потерявший своего лучшего друга в атаке на укрепленный пункт обороны противника был раздражен этим до такой степени, что бросил гранату через колючую проволоку в группу пленных, пригласив их поделить ее на кусочки. Несколько человек было убито и ранено. Австралиец был арестован и наказан...

Тыловые лагеря и Александрия

Клифт оказался в гарнизоне, занимавшем *Fort Pilastrino*, расположенный в центре Тобрука. Он и его товарищи разместили пункт связи в помещении, где раньше находился офицерский бордель, меблированный кроватями с шелковой драпировкой и прочими шикарными принадлежностями. Стоит отметить, что значительно более крупное по размеру заведение подобного рода было обнаружено в порту Тобрука. «Мы так и не

узнали, что случилось с работавшими здесь дамами, но предполагали, что их эвакуировали в Триполи или еще дальше,» - вспоминал Клифт.

На нашей кухне заправляли джентльмены скорее несолдатского вида, при этом все они очень любили выпить. Поскольку в Тобруке было навалом оставшейся от итальянцев выпивки, такой как кьянти и коньяк ..., они хорошо провели время [в первый же день]. На следующее утро, когда мы пришли за своим обычным набором из говяжьей тушенки, галет и горячего чая, завтрака нам не дали. Все повара надрались до потери пульса и были не в состоянии что-либо приготовить: наполовину опустошенный бочонок с коньяком был свидетелем этой печальной истории...

Командиры были вне себя от злости. Военнослужащие, участвовавшие в этом, получили приказ побриться и привести в порядок форму, а вся награбленная выпивка была уничтожена, что вызвало траур среди тех, кому она досталась. Потом поступило сообщение о том, что двое солдат умерли от отравления алкоголем, и на этом неподконтрольному пьянству пришел конец...

Батальон Холта прибыл в Мерса Матрух/Mersa Matruh и был размещен в старых казармах. Люди помылись, стряхнули пыль со своей формы и начали марш в направлении британского военного лагеря, заполненного вновь прибывшими частями. По прибытии Холт спросил молодого парня с необветренным лицом: «Не покажешь ли ты мне, где у вас тут столовая, приятель (*mate* – обычное австралийское обращение – ВК)?»

*Это создание оглядело нас сверху вниз так, словно мы были жуками-скарабеем, и с таким акцентом, который модно было резать ножом, ответило, что не является моим приятелем. Это был офицер и джентльмен, и он хотел, чтобы с ним обращались соответственно. Я заметил, что он с гордостью носит на своем погоне лишь одну сверкающую пимпочку. Он предложил мне заново начать беседу, отдав ему честь и назвав его «сэр». Я сказал ему, чтобы он шел на ... (*go and get himself f...d*) и оставил его брызжать по поводу того, как непочтительно ведут себя эти колонисты. Потом мы нашли столовую и как следует попили пива.*

Находясь на взводе, Боб Холт и его друзья добрались до казармы около полуночи, распевая песни и ни о чем не беспокоясь. Однако лейтенант Джордж Гиббонс (George Gibbons) из роты Холта был раздражен тем, что его солдаты несколько часов подряд заваливаются в казарму в пьяном виде, и к моменту прибытия этой группы был сыт этим по горло. Он наорал на солдат, приказал им заткнуться и идти спать.

Мы немного поговорили, и я послал его на ... Но это был не тот британец с одной звездочкой, а наш австралийский пехотный офицер. Он шипел где-то с минуту, после чего крикнул, чтобы подошел караульный. Был бы глупо ошиваться там, так что я ретировался, одолжил одеяло у своего приятеля по имени Сноуи Паркинсон (Snowy Parkinson) и улегся спать...

По счастью для Холта и его друзей, утром выяснилось, что лейтенант Гиббонс остыл и ограничился зачитыванием им *положения о бунтах/riot act*. Кроме того, австралийцев отправили по железной дороге в лагерь *Amiriya*. «Наш лейтенант был сам любил пиво, в тот день выпил несколько кружек сам и утром, возможно, решил, что составлять на нас бумагу будет лишним, - вспоминал Холт. - Мы знали, что отправляемся в путь и что в зависимости от того, во что ты хотел верить, конечным пунктом могли быть Англия, Кипр, Турция или Греция.»

На самом деле, австралийцев ждала однодневная увольнительная в Александрии. В карманах у каждого было содержание, выплаченное за три месяца, и они были готовы потратить его на то, чтобы весело провести свой свободный день. Тич Паркер (*Tich Parker*) и Холт собирались в увольнение вдвоем, и Холт был назначен казначеем. Они располагали 50 фунтами (*очевидно, египетскими – ВК*) на каждого, и Тич засунул 10 фунтовую банкноту в один из своих носков, чтобы потратить ее на такси до лагеря.

Мы начали свой день как два джентльмена. Сходили в турецкую баню, потом поели, прежде чем расслабиться одной-двумя кружками пива. Главной артерией района красных фонарей в Александрии была Rue de Souers/Улица Сестер. Тич и я решили пройтись по ней и осмотреться. Судя по толпам австралийских солдат, слонявшихся по ней, у большей части всей 6-й Дивизии были те же намерения. По обе стороны улицы Сестер стояли трех-четырёхэтажные дома. В каждой двери стояли ночные бабочки (*ladies of the evening*) всех цветов и национальностей. По всей улице полным ходом шла игра в two-up, и было забавно смотреть, как дамы делают ставки.

Дощечка для игры в Two Up – разновидность игры Орел или Решка

Такса за сеанс была равна 40 пиастрам (4 шиллинга), и дамы почти всегда ставили на эту сумму. Если девушка побеждала, солдат бросал ей деньги. Если проигрывала, солдат обычно спешил с ней куда-то на верхние этажи. Тич и я поиграли в two-up, после чего отведали прелести этих дев (в тексте – *houries*), прежде чем переключиться на выпивку.

Было еще довольно рано, и австралийцы поняли, что, если они ходят дожить до конца этого дня, то лучше будет использовать свои мозги, чтобы думать, а не для того, чтобы ввязаться в драку. Поэтому они решили сходить в кино, но и здесь все пошло не так, как хотелось. Не успели они усесться на свои места, как к ним подошел разносчик напитков и предложил им [Джон Коллинз](#) и другие изысканные коктейли.

Друзья покинули кинотеатр и закончили день в дальнем квартале города и снова в борделе. Там они заплатили всему контингенту заведения и потребовали, чтобы те станцевали свою версию канкана. Хозяин заведения стал выстукивать ритм на барабанах, а его напарник начал дуть в какой-то мерзкий музыкальный инструмент – оба они были посреди круга, образованного танцующими девушками. «Девушки были разные: худенькие, пухленькие со всевозможными промежуточными вариантами. Возрастом они были от 15 до 50, и, сказать по-честному, среди них не было ни одной с приятной внешностью,» - вспоминал Холт. Друзья отметились с некоторыми из них, выпили *арака* и отправились обратно в центр города.

Уже темнело, и австралийская военная полиция разъезжала по городу на грузовиках с установленными на них громкоговорителями, через которые рекомендовала всем военнослужащим 6-й Дивизии немедленно возвращаться в лагерь *Amiriya*. Холт и Тич отправились назад на трамвае. Тич на гражданке был *трубадуром* – трамвайным кондуктором в Сиднее, и после того, как водителю трамвая один или два раза дали выпить, Тич приобрел уверенность в себе, произнес длинную речь о международной солидарности персонала, обслуживающего трамваи, а потом и сам сел в кресло водителя...

Будучи уверенным в том, что Тич является опытейшим водителем трамвая из Сиднея, водитель дал ему поработать ручками управления. Тич успешно справился, но, по-видимому, лимит скорости в Александрии был значительно ниже, чем в Сиднее. К моменту прибытия на конечную остановку водитель уже рвал на себе волосы и молился

богу, изрыгая проклятия на арабском, английском и французском. Некоторые из пассажиров были уже в истерике, когда трамвай со страшным грохотом сошел с рельсов, дойдя до конца ветки. Инспектора и местный персонал убедили нас в том, что дальше нам лучше будет ехать на такси. Они вели себя грубо и довольно резко разговаривали с нами. Когда мы покидали место происшествия, водитель и пассажиры кидали в нас камни, пока мы не скрылись из виду...

Потом мы вернулись в центр города и зашли в кабаре, где выпивка лилась рекой. Большая часть солдат к тому времени уже вернулась в лагерь, и здесь находились самые неуправляемые...

В итоге у Холта кончились деньги, и пора было возвращаться в лагерь... К кабаре подъехала австралийская военная полиция и быстро начала забрасывать мертвецы пьяных солдат в кузов 3-хтонного грузовика. Тич и Холт сами забрались в одну из машин, но по дороге то ли сами вывалились из ее кузова, то ли были выброшены полицейскими. Друзья очнулись на пустынной дороге, но сумели добраться до лагеря. Там они получили приказ собираться в путь, потому что батальон отправлялся в Грецию. О самочувствии говорить не приходилось... Взвод Холта взшел на борт крейсера *Gloucester* в довольно подавленном состоянии, но, как он рассказывал, «мы определенно не грустили от того, что покидаем Египет.» Неизвестно кем написанный стишок отразил настроение австралийцев в тот момент:

*Страна мух и пропотевшие носки
Сыпь на коже и сыпучие пески
Улицы, где правят стыд и срам
Я и названия им не дам*

Шлюхи, воры, всюду воги
Жарища, от усталости ломит ноги
Пыль и вонь, всюду собаки-ублюдки
Ноющие цыгане и мясо верблюжье*

*Пыль, она ослепляет и мучает
Мозг выжигают мухи - их тучи
Рай для арабов, ад для солдат
Страна ублюдков, прощай навсегда*

Примечание:

♣ *Wog/Wog* – аббревиатура слов *Western Oriental Gentleman* – обычная, в прошлом имевшая в Австралии презрительный оттенок кличка жителей Средиземноморья и Южной Европы

Источник

Tim Bowden. Larrikins In Khaki, World War II Diggers. 2019

Сокращенный перевод, литературная обработка и комментарии – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org